

РОССИЙСКИЕ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННИКИ: МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ НА ЭТАПЕ РАННЕИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Характер адаптационных механизмов¹ субъектов экономики в весьма значительной степени определял специфику российской модели модернизации², поскольку развитие ее на всех этапах было связано с противоречивыми по своей природе факторами. Традиционно в их ряду отмечаются иницирующая роль *профеодального* по своей природе государства³, рыночное нивелирование производственных систем по образцу «индустриального капитализма» и активизация не исчерпавшего себя потенциала добуржуазных, архаичных экономических форм, спонтанное развитие модернизационных процессов на базе собственной культурной базы и их форсирование «сверху», несоответствие заимствуемого извне аборигенной социокультурной ситуации и т.д.

Характер среды, в которой оперировали российские золотопромышленники, своеобразно отражая важнейшие тенденции эволюции экономики страны, определялся также особым положением отрасли, поставлявшей «валютный металл». В истории России собственное золото всегда, с одной стороны, служило специфическим источником модернизации, стимулом экономического и социокультурного самоопределения в процессе включения страны в мировую систему ценностей, с другой, являясь своеобразным резервом, способствовало консервации, поддержанию отживающих социально-экономических механизмов и форм.

Не останавливаясь на этапных характеристиках золотопромышленной политики⁴, подчеркнем, что важнейшим, системообразующим фактором, определявшим условия развития отрасли, была специфичная система ее регламентации и, прежде всего, фиксированная, устанавливаемая государством, цена на золото.

Золотопромышленность была жестко контролируемой сферой экономики, где действовали социальные, «юридически-земельные» и прочие правовые ограничения, директируемый порядок сбыта, а также целый ряд формальностей, связанных с организацией дел и даже всеми этапами производственного процесса. Требования «упрощения» Золотопромышленного Устава, введения явочно-

регистрационной системы организации золотопромышленных дел и «свобод» промысла были остро актуальными на всем протяжении его развития.

Фиксированная цена, по выражению золотопромышленников, составляла суть «сверххарактерной» специфики отрасли, функционировавшей в условиях, когда предприниматели не могли возместить свои издержки регулированием цены продукта, что формировало и особый арсенал средств их социально-экономической адаптации.

Поступательное развитие золотодобычи в ущемленно рыночных условиях определялось, прежде всего, освоением месторождений, индивидуальная себестоимость золота на которых позволяла золотопромышленнику, возмещая свои издержки, получать минимум удовлетворительной прибыли. Это, в конечном итоге, несмотря на то, что выработка богатейших и относительно доступных месторождений диктовала необходимость технико-технологической реорганизации производства, определяло преимущественность экстенсивных путей развития отрасли. Постоянно воспроизводимым в российской золотодобыче было *хищничество*. Один из чиновников горного ведомства, исследовавший практику природопользования, заключил, что золотопромышленники действовали так, будто были «поглощены одной мыслью — как бы скорее вынуть все, что можно»⁵.

Территориально развитие промысла обозначалось продвижением на восток, характерно для него было и т.н. «блуждание» центров золотодобычи — постоянные поиски новых, сравнительно более выгодных по содержанию приисков, приостановка дел на приисках, где были выработаны самые богатые и легкодоступные слои, возвращение к разработке участков, оставленных ранее «по недостаточности» (пересмотр целесообразности разработки каждого конкретного участка определялся с точки зрения общей экономической конъюнктуры, этапности развития фирмы, изменения цены золота и прочих условий).

Непредсказуемость «коммерческого» значения приисков порождала практику создания резервов в рамках хозяйств одного владельца, проблема неразрабатываемых (т.н. «тунележащих») приисков стояла очень остро. Прииски в рамках фирмы выполняли разные функции — одни давали стабильный прирост за счет увеличения

числа рабочих, площадей, другие — за счет вложений в технические усовершенствования, третьи — выполняли функции разведки месторождений, четвертые были резервными, «застолбленными» на будущее, что было своеобразной гарантией позитивных перспектив развития, в условиях нестабильности, слабой постановки разведочных работ и трудностей, связанных с отводом площадей. Активные предприниматели так «преуспевали» в захвате «впрок» отводов, бесплатных площадей для обработки отвалов и т.д., что вызывали этим протест золотопромышленников, их жалобы, прежде всего, окружающим инженерам и в более высокие инстанции⁶.

Стабильность и дееспособность конкретных фирм определялась не столько уровнем постановки дела, сколько качеством разрабатываемых месторождений и правовой и финансовой мобильностью их владельцев. Дефицит капиталов, т.н. «финансовое малокровие», был острой проблемой золотопромышленности. Для того, чтобы обеспечить себя необходимыми средствами, особенно на время сезона работ, золотопромышленники прибегали к самым различным источникам — Государственному, коммерческим, городским банкам, обществам взаимного кредита, частному денежному и товарному кредиту, как правило, комбинируя их.

Залоговая форма кредита в банках была непродуктивной. Получая ссуду в размере двух третьих стоимости добычи будущего года, золотопромышленник рисковал, поскольку всегда мог «обмануться», оценивая перспективы участков, предполагаемых к разработке. Не имея такого недвижимого имущества, которое могло стать обеспечением солидной ссуды, предприниматели обращались к поручителям, последним же нередко было «выгоднее самим дать искомую сумму и взять проценты», поэтому золотопромышленники вынуждены были достаточно активно пользоваться услугами ростовщичества. Условия ростовщического кредита были поистине грабительскими (от 24 до 120%) — «кредитные сделки превращались в кредитные петли», — писал М. Боголепов⁷. Роль взаимного или т.н. «кругового» кредита была значительно более ограниченной в среде золотопромышленников в силу их разделенности большими расстояниями, а также сезонной (одновременной) востребованности средств.

Важно подчеркнуть, что наиболее распространенные из практиковавшихся в золотопромышленности форм кредита не были свя-

заны с прямым дополнением оборотных средств предприятия, они лишь временно их восполняли⁸. По сути это был т.н. «торговый» кредит, особенностями которого также были непрочность связи банка и предприятия (цель его ограничивалась «обратным платежом» последнего), незаинтересованность кредитора в деловом успехе клиента. Капитальный, направленный на пополнение основного капитала, кредит был в отрасли значительно менее развит — ссуды под покупку золотопромышленной техники большого распространения не получили, о контокоррентном кредите можно говорить применительно лишь к незначительной прослойке крупнейших фирм.

Важным резервом мобильности золотопромышленных предприятий была форма их организации, процесс изменения их организационного состава был сложным и неоднозначным. Естественные законы воспроизводства приводили к эволюции форм организации капитала — распространению и утверждению акционирования, развитию форм ассоциативных предприятий. Однако государственно ориентированный гарантированный сбыт и, вследствие этого, ограниченная конкуренция, реальная практика экономической реализации новых форм — неопределенность их преимуществ, особенности золотопромышленного производства непосредственно породили значительный *консерватизм* организационного состава фирм. Известную роль в «неприятии» золотопромышленниками передовых форм организации капитала являлось то, что в условиях повышенного «риска» промысла они в «компанействе» отдавали предпочтение принципу солидарной (а не ограниченной, как в акционерных обществах) ответственности в делах.

Востребованными в хозяйственной практике были все масштабные группы фирм. Повсеместной и общепризнанной была большая прибыльность мелких фирм («Кто не знает(!), что в золотопромышленном деле сплошь и рядом малый капитал себя более оправдывает»⁹). Золотодобыча все еще во многом оставалась делом «лотерейным», а «благотворные результаты улучшений не могли взять перевеса над влиянием стихийных природных и прочих обстоятельств»¹⁰.

Общеэкономическая ситуация и природа промысла делали бизнес-способными весьма разнообразные типы предпринимательства. Постоянно воспроизводимыми были прослойки т.н. «случайных» —

золотопромышленников на «краткий миг» разработки одного-двух приисков, «фартовых» — искателей богатых золотоносных участков, чьи фамилии то появлялись, то исчезали в реестрах владельцев отводов (преемственность золотопромышленных фирм на рубеже XIX—XX вв. составляла, по подсчетам автора, около 35-40%).

Особый, достаточно представительный отряд предпринимателей, составляли лица, сочетавшие золотопромышленный бизнес с другими его видами. Медленный оборот капиталов в отрасли делал необходимым создание известной возможности для маневра, которую давали другие, менее зависимые от «фарта» сферы предпринимательства. Даже в случае процветания золотопромышленных дел, их владельцы не торопились расставаться с традиционными источниками дохода, доминанта интересов (золотопромышленных или прочих) в каждом конкретном случае достаточно сложно определяема. О значении незолотопромышленных источников дохода говорят, например, факты официального признания съездами золотопромышленников невозможности создания Обществ взаимного кредита, привлекая лиц, занимающихся исключительно золотодобычей¹¹. Акционеры и обладатели паев представляли еще одну специфичную прослойку, в известном смысле «пассивного» золотопромышленного предпринимательства. Среди них были «великие», второстепенные и малые золотопромышленные величины, роль которых в «судьбах» промысла определялась величиной вкладов и мерой реального участия в делах.

Особую группу предпринимателей отрасли составляли представители профессиональной золотопромышленной элиты. Это был достаточно стабильный слой, как правило, наследственных (2-3 поколения) золотопромышленников, для которых золотодобыча стала делом жизни, а другие источники дохода или не существовали или были сведены до минимума. «Профессионалы» были не только признанными практиками, но и «теоретиками», «ходатаями» золотого дела, их предприятия — опытными школами использования новой техники.

Состав «профессионалов» был пестрым — от владельцев небольших дел, поддерживавших его, прежде всего, собственным трудом и опытом, до признанных лидеров, «местных гениев», зачастую обладавших своеобразной монополией на разработку золота в отдельных промысловых системах.

Незолотопромышленная собственность профессионалов чаще была связана с золотодобычей функционально, играла вспомогательную роль — торговые операции, призванные обеспечить приiski всем необходимым, промышленные предприятия, производящие такого рода товары. За этим стоял хозяйственный опыт колонизаторов, вадали от центров цивилизации стремившихся обезопасить себя от тех или иных дефицитов. Так, о предпринимателе Г.П.Сафьянове, владельце золотых приисков, пристаней, лавок, факторий, стад скота, которого называли «сибирским маркизом Карабасом», подытоживая его деятельность, говорили, что «золотопромышленность была «осью» задуманного покойным самодовлеющего комплекса предприятий ... дело должно было быть разносторонним, чтобы была возможность обходиться всем своим».

Такого рода мотивация создания своеобразно «комбинированных» дел была оправдана, поскольку, во-первых, это обеспечивало собственнику известную экономическую самостоятельность, как одного из основных условий прибыльности, во-вторых, незолотопромышленная собственность, с ее более систематичным доходом, была своеобразным резервом капиталов, в-третьих, она давала существенные преимущества при получении кредита, т.к. в отрасли сложилась парадоксальная ситуация. Банки в случае открытия кредита «кредитоспособность их определяли независимо от предприятия (золотопромышленного — I. С.) и измеряли другим имуществом кредитовавшегося»¹², т.к. золотопромышленная собственность недвижимостью по действовавшим законам не считалась.

За многопрофильной организацией собственности стояли, таким образом, прежде всего соображения, продиктованные «рацио». Немалую роль играла необходимость поддержания традиционных семейных предприятий, а также отголоски т.н. «запечатления» феодальной (натуральное хозяйство) ментальности «хозяина», стремление к «самости», самодостаточности. Там, где капиталы не позволяли «обходиться всем своим», складывалась ситуация, о которой с горечью писал М.А.Кулибин: «Золотопромышленное дело создано как бы только для управляющих, комиссионеров, для разных купцов-посредников и всех наименований поставщиков, которые в более или менее короткое время делают на приисках значительные состояния»¹³.

Инстинкт самосохранения выражался в создании определенных гарантий в виде поддержки компаньонов. При всем стремлении золотопромышленников к «самости», самодостаточности своих предприятий, хозяйственный и прочий индивидуализм, выразившийся, в частности, и в «автономии мастерства», монополии на опыт, в их среде был достаточно распространенным и искомым было компанейство.

Несмотря на то, что среди золотопромышленников были лица, по выражению современников, «менявшие компании как перчатки», компанейские связи в большинстве своем были достаточно устойчивыми, «переходившими у серьезных людей в испытанную дружбу»¹⁴, передаваемую из поколения в поколение, закрепляемую родственными узами.

Важнейшим компонентом адаптации золотопромышленников, как социально-профессиональной общности, являлось согласование самооценок и притязаний с собственными объективными возможностями и реальностями среды. Разделенные огромными расстояниями, специфическими региональными условиями золотодобычи, разным социальным положением, российские золотодобытчики медленно продвигались по пути осознания своих корпоративных интересов. Активизация этого процесса связана с деятельностью представительных организаций¹⁵.

Тем не менее, принципиальная общность интересов, как в региональных масштабах, так и в целом, осознавалась в среде этого отряда предпринимательства. «Всякий вопрос, возбуждаемый отдельным золотопромышленником, имеет не только частное, но и общее значение», этот тезис прозвучал в ходе обсуждения проекта положения о Совете всероссийских съездов золотопромышленников¹⁶. В 1905 г. золотопромышленники в лице Постоянной совещательной конторы настаивали на представительстве в Государственной Думе, аргументируя это тем, что «...у них есть свои нужды, отличные от остальной промышленности»¹⁷. Следует отметить, что золотопромышленники, действовавшие в рамках отдельных промысловых систем, жившие в одних городах, были достаточно консолидированы. Современники неоднократно отмечали их сплоченность и даже известную социальную обособленность — «при всей удивительной разношерстности состава — и имущественной и племен-

ной, они отличаются солидарностью, умеют отстаивать общие интересы и составляют как бы отдельное сословие»¹⁸.

Внушаемые высказываниями государственных деятелей и экономистов, «теоретики» из практиков-золотопромышленников осознавали особую роль золотодобычи в российской экономике. Все обращения в высшие инстанции содержали один неизменный, «неубиенный» аргумент чрезвычайной важности промысла в плане «благоприятного обменного баланса», сосредоточения в Государственном казначействе достаточного запаса золота для обеспечения кредитных билетов¹⁹.

Самым веским, консолидирующим золотопромышленников моментом было недовольство существовавшим регулированием золотого дела со стороны государства, золотопромышленным законодательством. «Самое трудное в золотопромышленности,— писал «Сибирский вестник», — это не борьба с природой, климатом, растениями... а борьба с существующими законоположениями, которые можно назвать целесообразными, если признать, что они направлены к ее искоренению»²⁰. Золотопромышленники отмечали «ненормальность» положения золотопромышленника, называли себя «жертвами» существующих порядков, «пасынками русского правительства», сравнивали свое положение с «рабским»²¹. Ситуация обострялась тем, что наряду с основными законами, по сведениям Постоянной совещательной конторы, в золотоносных районах действовали «циркулярные распоряжения местных административных учреждений и лиц, причем, распоряжения эти «отличались большой живучестью, некоторые из них в течение десятков лет» применялись «наравне с законами»²².

Весьма символичен наказ золотопромышленника Я.Расторгуева сыну при передаче ему дел по приискам, который, в частности, гласил: «тебе надобно быть готовым прошения писать, удовольствия или неудовольствия не высказывать»²³. Во время широкого, организованного правительством обсуждения проблем обложения промысла К.И.Иваницкий признавался, что, открыто выражая свое особое мнение, испытывал «чувство робости», поскольку золотопромышленники «привыкли к постоянным отказам со стороны администрации» и руководствовались тем правилом, что «лишь путем хитроумных компромиссов с правительством можно достигнуть какого-то результата»²⁴.

Золотопромышленники постоянно ощущали зависимость от местных властей, поскольку, по выражению одного из них, высший суд находился «за тридевять земель от театра происшествий»²⁵ (почти театра военных действий! — I. С.), а они оставались «в руках администрации». Обстановку конфронтации с властями весьма категорично оценил В.К.Павловский: «к золотопромышленникам ни разу не был проявлен тот образ действий, который носил бы в себе беспристрастной справедливости, но постоянно заключал в себе отношение к золотопромышленнику как мошеннику», «загребашущему золото лопатой»²⁶. «При обостренных отношениях, — пояснял другой золотопромышленник, — члены администрации могут угрожать ссылкой, разорением, лишением доброго имени ... С другой стороны, большинство золотопромышленников, вследствие неумолимости закона и действительно трудных условий, очень часто нарушают закон, поэтому ясно, что ублажить администрацию — один из самых тонких политических расчетов в тайге»²⁷. Такого рода дипломатия (в арсенале которой был, прежде всего, кошелек) составляла неотъемлемую составляющую деятельности едва ли не каждого золотопромышленника.

Можно предположить, что золотопромышленники весьма преуспевали на этом поприще, что, в частности, позволяло современникам утверждать: «влияние на хозяина административной власти слишком мало и незаметно», а горно-полицейскую стражу сравнивать с «опереточными карабинерами»²⁸.

С другой стороны, нельзя не отметить, что золотопромышленники проявляли известную стойкость в защите своих интересов — «никаким законом нельзя заставить золотопромышленника работать себе в убыток ... по части соображения о выгоды или невыгоды дел он — виртуоз»²⁹. Значительную изобретательность проявляли золотопромышленники и в обходе регламентации промысла со стороны администрации — были готовы решать свои проблемы «в тиши кабинетов», могли отчеты составлять «на глаз» (на приисках водились особые для того специалисты), исключительно чтобы «потешить» горное начальство потратиться на новомодную механику, пуститься «во все тяжкие», укрывая часть добытого. Общая деморализующая атмосфера хищничества позволяла «не гнущаться» и этим источником благополучия и столь дефицитной стабильности.

Наиболее существенной и горячо обсуждаемой золотопромышленниками чертой золотого промысла была зависимость от удачи, т.н. «Фарт». Под ним, как правило, понимались, в известном смысле, «случайная» природа открытий, «норов», характер залегания золотоносных пластов, влияние на судьбу дела погодных условий и т.д. Теоретиками и практиками золотого дела было признано, что на всех «стадиях горного промысла риск необходимого капитала» был «чрезвычайно велик и равен иногда 100%»³⁰. «Предусмотреть» всю массу случайностей, — отмечали практики, — было «невозможно никакими математическими вычислениями и кабинетской работой»³¹.

Особый интерес в плане изучения ментальных характеристик золотопромышленного предпринимательства вызывают старательские присловья, пословицы, песни, в которых нашли отражение «образы» приисковой жизни, отношение к промыслу не только старательства непосредственно, но и всех социальных категорий, причастных к золотодобыче³². Сюжеты преданий однотипны, их обязательными составляющими были описания тягот и неудач, которые доводили семьи до крайнего положения бедности, неожиданный «фарт» и, как следствие, благополучие — «дома большие купили, конфеты шоколадные ели...»³³. Нравственные мотивы «золотого» устного творчества были связаны с канонами христианской морали, лейтмотивом преданий и сказок было «поучение» о том, что золото *заставляет* (!) идти на нарушение моральных норм, но человек должен этому противостоять. Фарт был одним из наиболее важных, ключевых понятий, отражавших первостепенные проблемы золотого дела, подобное значение для крестьянской ментальности представляло, пожалуй, понятие голода, ибо и там и здесь они лежали в основе представлений о безопасности. Угроза разорения была более константным фактором в золотопромышленности, чем в большинстве других отраслей. По заключению автора одного из ходатайств в Постоянную совещательную контору, «золотой промысел, во многом остался божьим промыслом»³⁴. Даже о А.А.Саввиных, владельце солидно поставленной фирмы, было сказано: «золотое дело Андрею Андреевичу *посчастливилось* (!) и он сделался сравнительно богатым человеком»³⁵. Своеобразным преломлением представлений о значении для золотопромышленника «фарта» стали растиражированные в «Азбуке золотоискателя» поучения

С.Еремина об особом значении сомнений в образе ищущего и разрабатывающего золото³⁶.

Надежда на удачу, «фарт» определяли известный мифологизм сознания этой группы предпринимательства. Золотопромышленник В.Григоровский, например, с горечью писал о своих коллегах практиках, что они «все еще смотрят на свое ремесло как на таинство». Чрезвычайно живучи были всевозможные предания, неистребима вера в приметы, «замешанные» отнюдь не на естественнонаучных наблюдениях, распространены были и чисто фантастические мотивы. Из поколения в поколение передавались «секреты» не только мастерства, но и везения.

Осознавая необходимость широких и основательных познаний, золотопромышленники все же зачастую, по свидетельствам специалистов, «довольствовались той степенью соединения науки и практики, которую можно охарактеризовать словом знахарство»³⁷, «не верили в геологию»³⁸ (около инженеры отмечали «неохоту, с которой золотопромышленники прибегали к геологическим разведкам»³⁹), работали по картам, «которые очень мало имели общего с действительностью», искали золото «на ощупь» (по принципу «бить шурфы и никаких»).

При внешней информированности о технических достижениях в технике промысла (сведениями о них, в частности, были насыщены специальные издания) большинство золотопромышленников сохраняло «пренебрежительный взгляд на технику»⁴⁰, чрезвычайно «осторожно» вводило усовершенствования на практике, действовало «по старинке», «редкие новаторы» были чаще «неудачными»⁴¹.

С другой стороны, среди золотопромышленников были патентованные изобретатели⁴², а усовершенствование золотопромывальных машин на приисках, приспособление их к качеству пород, проводимое «по соображениям» их владельцев, было делом повсеместным. Такого рода новации, в основе которых лежал личный опыт золотопромышленника, просто не фиксировались, а зачастую даже держались в тайне.

Золотопромышленник, как и всякий российский буржуа в первом поколении, был одновременно «господином», которому претило «руки марать», с другой стороны трудягой, до всего «доходившим» сам — от первого вбитого разведочной партией колышка до постановки дела на усовершенствованной технике. Стремление к

всеохватному личному контролю за делом было в среде части золотопромышленников настолько развито, что привело к уникальной и очень символической ситуации, проявившейся в знаменитой кампании «за доверие инженерам» (!), стесненным «излишним вмешательством» со стороны хозяев⁴³. При всей праздничной ритуальности приездов «хозяина» на прииск, за ними скрывалась серьезная прагматическая подоплека налаживания жестких рычагов контроля и управления, предотвращения краж, непроизводительных расходов администрации, мобилизации всех ресурсов, прежде всего, максимального использования напряженного труда работавших на приисках и рудниках. Для части золотопромышленников было свойственно возведение в принцип *патриархальных*, попечительских отношений с рабочими собственных приисков⁴⁴.

На формирование механизмов социально-экономической адаптации российских золотопромышленников конца XIX — начала XX вв. значительное влияние оказывали наметившиеся сдвиги в эволюции практики золотопромышленного предпринимательства. Символом нового нарождавшегося поколения золотопромышленников, о котором с надеждой говорили известные «мыслители» из практиков российского золотого дела, стало противостояние вере в удачу и божье благословение, опыту — установкам на мобильно организованный капитал, техническое знание, отказ от экономического и прочего романтизма. «Пока золотопромышленность не будет иметь солидных людей, теоретически и практически образованных, она будет требовать новых и новых жертв (!), даром брошенных капиталов». Свидетельствами перемен были переход от эмпиризма в технике к рационализму, более адекватное духу времени и потребностям дела сочетание «отважного предпринимательства»⁴⁵ и осторожной купеческой торговли с точным коммерческим расчетом (в предания ушли времена, когда составление смет считалось «каким то грехом, приносящим несчастье»⁴⁶).

В основе этих процессов лежала эволюция золотопромышленности, активизация потенциала интенсивного развития, «окончание времен баснословной безтрудоустроенности». Все более жестко востребованными «вместо прежних, носивших нестройный, лотерейный характер», становились «правильно организованные предприятия»⁴⁷.

Оценивая характер адаптационного взаимодействия золотопромышленников с экономической средой, с точки зрения степени их активности и результативности влияния на последнюю, следует отметить следующее. Несмотря на то, что золотопромышленная политика правительства, определявшая условия развития отрасли, развивалась в диалоговом режиме реагирования на нужды промысла, важнейшие требования золотопромышленников не реализовывались. Постоянная совещательная контора на II съезде российских золотопромышленников (1915 г.) огласила весьма печальную в этом смысле статистику: все 38 представлений I съезда золотопромышленников (1907 г.) не только не были удовлетворены, но не удостоены в течение восьми лет ответа, из 144 ходатайств Постоянной совещательной конторы золотопромышленников ответ последовал только на 35 (24,3%), из 714 ходатайств местных съездов 86,5% не были удовлетворены и поэтому из года в год повторялись⁴⁸.

На всех этапах развития российской золотопромышленной политики XIX — начала XX вв. она не соответствовала высоким требованиям опережающего экономического нужды конструктивного совершенствования экономического и правового пространства отрасли. Нарастание элементов кризиса золотопромышленности⁴⁹ вызывало снижение предпринимательской активности золотопромышленников. Нестабильность, «скачкообразный» характер доходов, их нерациональность, несоответствие мере трудовых и капитальных затрат порождали не просто скепсис, но и апатию (они же лежали в основе вошедшей в исторические предания «буйной жизни» и показной роскоши золотопромышленников).

Практики свидетельствовали, что многие из владельцев ранее солидно поставленных предприятий «лишь поддерживают дела отцов», «готовы хоть сейчас прекратить работы», активно продают права на приисковые отводы, в т.ч. иностранцам и т.д. Недостаточно адекватная по темпам и направленности обновляемость экономического и правового пространства подталкивала к различного рода «выходам» за его пределы. Проявлением девиантного поведения была повсеместная практика хищничества, нерегистрации добываемого золота, ставшая основой его утечки за границу, расширение сферы старательских работ.

Условия промысла развивали «оппортунистическое поведение предпринимателя»⁵⁰ во всех его формах — от воинствующе-

эгоистичной экономической недобросовестности до т.н. «послушания» на грани отсутствия следования свои интересам (вот, например, как характеризует настроения значительной части золотопромышленников один из современников: они «...неподвижны, не рискуют делать крупных затрат, принялись за золотничные работы в самом ограниченном размере ... по привычке проводя лето на приiske как на даче»⁵¹). Работа на долгосрочное, перспективное развитие золотопромышленниками своего дела была в значительной степени проблематичной. Активность основной массы золотопромышленников мотивировалась получением любой ценой прибыли сегодня (это было положение «игрока» в партии с краткосрочным временным горизонтом»⁵²). Не случайно наиболее важной особенностью золотопромышленника как предпринимателя была, пожалуй, склонность к риску, способность поставить «на карту» многое, предприимчивость и оперативность без той меры осторожности, которая отличала всякого, обретшего богатство постепенно и планомерно, сообразно труду и затратам его развивавшего (золотопромышленники и в начале XX в., как и во времена оны, все еще делили себя на «счастливых» и «несчастливых»⁵³). Парадоксально, но «оппортунизм» был вполне рациональной, разумной формой поведения ибо система отторгала, дисквалифицировала экономических агентов, руководствующихся иными установками.

Позиция «игрока» была своеобразным отражением правительственной политики в сфере золотодобычи, также нацеленной, прежде всего, на решение *наущных* экономических и прочих проблем. Именно с точки зрения *перспектив* развития и *недостаточной реализации потенциала золотых нефр* можно характеризовать состояние российской золотопромышленности рубежа XIX–XX вв. как кризисное. Кризис, как «время принятия решений»⁵⁴ все более явно обнаруживал себя в этот период.

Тем не менее, рассматривая механизмы социально-экономической адаптации российских золотопромышленников в условиях «переходной экономики»⁵⁵, можно свидетельствовать и о достаточно деятельном приспособлении их к меняющейся среде с точки зрения использования на каждом из этапов открывающегося спектра новых возможностей. Немаловажным в оценке адаптационных процессов представляется внимание к тому, что было сделано не только «благодаря», но и условно «вопреки» политике в сфере

золотопромышленности, отличавшейся непоследовательностью и паллиативностью. В процессе как усвоения, так и отторжения правил экономической среды складывался механизм саморегулирования промысла, формировались особые резервы его развития (от самых «нецивилизованных» до передовых), в основе прогрессивных изменений лежала эскалация процесса профессионализации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Адаптация традиционно определяется как единство процессов аккомодации (усвоения права среды) и ассимиляции («уподобления» ее себе путем преобразования).
2. См.: Российская модернизация: проблемы и перспективы (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1993. № 7. С.3-39; Красильщиков В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века // Там же. С. 40-56; Хорос В.Г. В поисках ключа к прошлому и будущему (размышления в связи с книгой А. С. Ахиезера) // Вопросы философии. 1993. № 5. С. 107-109; Побережников И.В. Урал в контексте российских модернизаций // Региональная структура России в геополитической и цивилизационной динамике. Екатеринбург. 1995. С.57-61.
3. Несовпадение социального вектора модернизации с ее капиталистической сущностью проявлялось, в частности, в сохранении значения внеэкономического принуждения для мобилизации трудовых ресурсов и феодальные привилегии и монополии для обеспечения экономической элиты необходимыми производственными факторами. Совершенствовались налоговая система, условия кредитования, продажи золота, расширялись социальная база и территории, где был допущен промысел и т.д. См.: Сапоговская Л.В. Место и роль золотопромышленной политики в реформаторских курсах в России XVIII–XX вв. // Российская модернизация XIX–XX вв.: институциональные, социальные, экономические перемены. Уфа, 1996. С. 81–97.
4. РГИА. Ф.37. Оп. 40. Д.478. Л.2-4.
5. См.: ГААК. Ф.160. Оп. 4. Д.298. Л.7 Об. (о И.М. Хотимском); ГАСО. Ф.120. Оп. 1. Д.1522. (о Ф.А. Перяславцеве) и др.
6. Боголепов М. Торговля в Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды. СПб. 1908. С.176.
7. См.: Гиндин И. Ф. Банки и промышленность в России до 1917 г. Пг. 1927.
8. Цит. по: Гиндин И. Ф. Банки и экономическая политика в России (XIX — начала XX вв.). М. 1997. С. 54-58.
9. См. напр.: ГААК. Ф.189. Оп. 1. Д.1. Л.59.
10. Общий обзор главных отраслей горной и горнозаводской промышленности. Пг. 1915. С.6.
11. РГИА. Ф.49. Оп. 1. Д.59. Л.3,6 Об.
12. ГААК. Ф.160. Оп. 4. Д.30. Л.60.
13. РГИА. Ф.37. Оп. 44. Д.1758. Л.173Об. Сабашников М.В. Воспоминания. М. 1983. С.84.
14. На это сетовали многие известные деятели золотого дела в России. В частности М.А. Кулибин в особой записке в Горный департамент писал: «Свободные от всякой конкуренции они (золотопромышленники — *А. С.*) должны считать себя союзниками и в тесном между собой единении искать средств для борьбы со всякими препятствиями развития дела, ... но отношения между ними складываются в противоположном направлении ... действуют они обособленно, а иногда враждебно (РГИА. Ф.37. Оп. 44. Д.1758. Л.174); «Многим благим начинаниям, — вторит ему в своем обращении в Постоянную совещательную контору золотопромышленников К.И. Бахвостов, — не суждено было сбыться благодаря отсутствию солидарности среди самих золотопромышленников». Не случайно при обсуждении в 1917 г. проекта создания Совета съездов золотопромышленников Рос-

- сии предполагалось ввести принудительное участие всех местных съездов в Совете (РГИА. Ф.49. Оп. 1. Д.8. Л.90 Об.).
15. РГИА. Ф.49. Оп. 1. Д.8. Л.32.
 16. РГИА. Ф.49. Оп. 1. Д.3. Л. 147.
 17. Уманский А. Очерки золотопромышленности в Енисейской тайге. СПб. 1888. С.80.
 18. См. напр.: РГИА. Ф.37. Оп. 44. Д.294. Л.8; К вопросу о значении золотопромышленности для поднятия курса кредитного рубля // Русь. 1882. № 41.
 19. Сибирский вестник. 1896. Сентябрь. С.12.
 20. См.: Вестник золотопромышленности. 1894. № 5. С.108; Золото и платина. 1907. № 9. С.176; РГИА. Ф.37. Оп. 44. Д.1758. Л. 39, 145Об.
 21. ГААК. Ф.160. Оп. 4. Д.30. Л.7.
 22. ГАСО. Ф.120. Оп. 1. Д.1522. Л.13.
 23. Иванчикий К.И. Особое мнение о промысловом налоге. Материалы I Всероссийского съезда золотопромышленников // Золото и платина. 1907. № 9. С.177- 179.
 24. Вестник золотопромышленности. 1894. № 9. С.171. ГАОО. Ф.156. Оп. 1. Д.163. С.217Об.
 25. РГИА. Ф.37. Оп. 44. Д.1758. Л.145Об. Вестник золотопромышленности. 1894. № 9. С.172. Митинский А.Н. Горнопромышленность Приамурья // Горный журнал. 1911. С.216. Золото и платина. 1907. № 22. С.466-467. Павловский В.К. Оренбургская золотопромышленность за 100 лет, правовые отношения к ней Оренбургского казачьего войска и современное положение золотопромышленности вообще. Екатеринбург. 1905. С.77.
 26. Кружальшова В.П. Жанры несказочной прозы уральского горнозаводского фольклора. Свердловск. 1974; Лазарев А.И. Поэтическая летопись заводов Урала. Челябинск. 1972; Предания рабочих Урала как художественное явление. Челябинск. 1970. и др.
 27. Блажес В.В. Труд и быт березовских старателей по народным преданиям // Из истории уральского золота. Екатеринбург. 1995. С.80-86.
 28. По данным на 1890,1910 гг. около 1/5 (19,2%) названий приисков была «обращена к богу» (имена святых, канонизированных церковью, названия христианских праздников и т.д.).
 29. Саввиных А.А. Некролог // Золото и платина. 1911. № 4. С.22.
 30. Еремин С. Азбука золотискателя. Томск. 1901. С.37.
 31. Вестник золотопромышленности. 1895. № 7. С.167.
 32. Буйвид И. Прогулка по тайге // Вестник золотопромышленности. 1894. № 5. С.114-115.
 33. Вестник золотопромышленности. 1896. № 16. С.314.
 34. Кулибин К.А. Техника разработки месторождений золота // Золото и платина. 1908. № 8. С.167.
 35. Вестник золотопромышленности. 1894. № 1. С.15; № 11. С.206.
 36. Специалистами того времени были известны золотопромывальная бочка Рамеева, прибор для улавливания золота Буйvida, «золотопромышленный поезд» (вагоны с шлюзами) Окулова и др. Золото и платина. 1910. № 17. С.396-397.
 37. Хотя В.И. Кулибин, весьма иронично относился к декларированию золотопромышленниками этого принципа («выражение «Мы ваши отцы, вы наши дети» значения имеет столько же сколько желание заравняться при чихании»), а роль «мировой» зачастую играла просто дополнительная винная порция для рабочих, нельзя не отметить позитивные устремления части золотопромышленников. Они благоустраивали свои приисковые хозяйства (церковь, школа, больница, баня, как необходимый минимум), гордились тем, что знали своих рабочих и особенно мастеров в лицо, боролись по мере сил с пьянством. (См.: Вестник золотопромышленности. 1894. № 7. С.143, 170; Золото и платина. 1907. № 6. С.106; № 11. С.219). Зомбарт В. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М. 1994. С.111.
 38. См.: Скарятин В. Д. Записки золотопромышленника. Ч.1. СПб. 1862. С.116. Золото и платина. 1908. № 11. С.239. Золото и платина. 1915. № 3-4. С.37.
 39. Савицкий А. О причинах упадка золотопромышленности в Восточной Сибири и средствах к поднятию ее // Горный журнал. 1889. Приложение к № № 5,6. С.67- 76; Кулибин В.

- Наша золотопромышленность // Горный журнал. 1888. № 9. С.330-353; 1889. № 11-12. С.319-353; Нужды золотопромышленности // Вестник золотопромышленности. 1899. № 9, 10, 11. Передовые статьи; Самофалов В. Наша золотопромышленность, ее значение и нужды // Вестник золотопромышленности. 1905. № 23. С.641-644; № 24. С.659-661; Как поднять золотопромышленность? // Вестник золотопромышленности. 1906. № 16. С.321; Кулибин К.А. Наша отсталость // Золото и платина. 1907. № 1. С.2-3; № 2. С.23-25; Грауман А. О значении золотопромышленности, о состоянии ее и о тех мероприятиях, которые нужно принять для увеличения производства золота в России // Золото и платина. 1909. № 7. С.153-155; Адияевич А.В. К вопросу о положении золотопромышленности в России // Золото и платина. 1911. № 14. С.339-344; и др.
40. См.: Уильямсон О. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа. Тезис. 1993. Том.1. Вып. 3. С.44-45. Вестник золотопромышленности. 1904. № 18. С.418. Основы теории переходной экономики. Киров. 1996. С.84. РГИА. Ф.49. Оп. 1. Д.3. Л.41Об. Изначальное этимологическое значение слова. См. напр.: Экономика переходного периода. М. 1995. С.11-37.